

Ты жив,
пока не убит
в пустом пространстве листа.
И если сердце болит –
то значит совесть чиста.

Когда погаснут огни
заученных миражей –
ты никого не вини
и ни о чём не жалеи.

Твой век ещё не допет
и не пропит медный грош.
Тобой придуманный свет живёт,
пока ты живёшь.

Ты не умеешь не заплакать,
когда глядишь из-под ресниц на мир –
которым правит **слякоть**,
в котором небо пало ниц.
Слова отлиты из металла
и выброшены в талый снег.
Минувшее существовало,
но всё истаяло во сне.
А ты стоишь и смотришь в небо
солонатовою водой
и запечатлеваешь слепок судьбы,
придуманной тобой

Не стоит призывать беду –
она и так придёт неожиданно –
и я с тобою совпаду,
как совпадаю постоянно.

Когда **итоги** ремесла
от мастерства неотличимы –
то не помогут зеркала
добраться до первопричины.
Смысл бытия – венец потерь,
мерцающих во тьме колодца,
и я не ведаю теперь
зачем мне с бедами бороться

Вторгался в тело медленный озноб,
смыкался круг **болезни** надо мною –
а юный доктор,
безусловный сноб,
касался лба рукою ледяною
и чайной ложечкой прижав сухой язык,
пытался тщетно звука «а» добиться.

А в это время
друг степей калмык,
«Онегина» читал мне в разных лицах –
я чётко помню этот детский бред,
температурным пиком порождённый.
Скрипела дверь,
горел колючий свет –
мешая мне страдать уединённо.
За окнами шёл снег со всех сторон
и вовсе не хотел на землю падать.
Мой организм понёс большой урон,
но выстрадал привычную прохладу.

На кухне убежало молоко –
не пить его я не имею права.
До окончания века далеко.
И незаметно рушится держава

Присвоив мир,
чрезмерный для людей,

стараясь выжить в веке окаянном,
я наблюдаю взглядом оловянным
в телеэкране суету вождей.
Кислотный дождь пространство посетил,
седой асфальт бесследно растворяя.
А по шоссе,
размеренно вихляя,
ползут коробки лошадиных сил.
За шинами смыкается вода,
избрав себе физическую сущность,
и я, не претендуя на научность,
впиваюсь в плоть лимонного плода –
чтоб смять улыбку на своём лице:
мне вняты чувства чёрного квадрата –
и это неосознанная плата
за **знание** того,
что есть в конце

Декабрь морозный, дребезжащий.
На лапах елей – **чёрствый снег**.
А дед Мороз ненастоящий
ко мне является во сне
и дарит тощие подарки
за непрочитанный стишок.
Снегурка с ликом санитарки
глядит тоскливо в потолок,
считая долгие минуты
и варежкой стирая пот.
И мне печально почему-то,
что наступает новый год.
Но дерзкий запах мандаринов
смиряет детскую печаль
и в будущем неповторимом
мне настоящего не жаль

Листва в порыве увяданья
стремится в небо улететь.
Осенние **воспоминанья**
недолго сохраняет медь.
Сегодня слякотно и гулко.
В пределах парка - тишина.
В нём не отыщешь закоулка,
где музыка разрешена.
Оцепенелая природа
растерянно глядит на мир –
и молча застывают воды.
Теряется ориентир –
куда идти? Зачем? Не знаю.
Разрезан воздух на слои.
Есть в парке дверка потайная
в воспоминания мои.
И кажется –
под шелест листьев
ты вновь навстречу мне идёшь
и лишь от осени зависит,
чтоб нас не разделила ложь

Над суетой предновогодней –
больное небо.
Серый снег летит,
как пепел преисподней,
под скрип несмазанных телег.
Ещё не переименован
октябрьский день больших потерь.
Отныне в венчике терновом
Россия будет жить теперь.
Год восемнадцатый предвидя,
ненастье бродит по дворам,
теряя буквы в алфавите
и пиетет к профессорам.
Два месяца с переворота ещё не минули.

Пока обман не отравил народа
на целый век.
Но облака роняют серый снег на землю,
которая и так бледна.
И справедливости не внемля,
грядёт **гражданская вина**

Парк был бел и пушист.
Но следы на снегу,
как **абстракционист**,
шифровать я могу.
А вот расшифровать
генетический код
долгой жизни тетрадь
мне опять не даёт.
Невозможно постичь
назначение своё –
даже преувеличь –
всё равно за враньё не сойдёт.
За талант надо болью платить.
Я держу, как атлант,
шарик неба за нить,
оставляя следы
на сыпучем снегу.

До какой высоты
дотянуться смогу?